

противопоставлений. Большое количество литовских (соотв. балтийских) оппозиций диатез организовано следующим образом:

при одушевленных (*и, возможно, других*) субъектах

daužti 'разбивать'
iežti 'лущить'
telžti 'мочить'
merkti 'мочить'
miešti 'перемешивать'
skersti 'колоть'
laužti 'ломать' и т. п.

только при неодушевленных субъектах

dužti 'разбиваться'
ižti 'лущиться'
tilžti 'размокать'
mirkti 'мокнуть'
mišti 'перемешиваться'
skirsti 'трескаться'
lūžti 'ломаться'¹⁰.

Если можно представить себе действия 'разбивать', 'лущить', 'мочить' и т. п. относящимися к активному вообще, но не обязательно одушевленному субъекту, то, напротив, представить себе нечто одушевленное, что могло бы 'разбиваться', 'лущиться', 'размокать', 'перемешиваться (внутри себя)', 'трескаться', 'ломаться', и т. п., — невозможно. Но если один, маркированный, член оппозиции определенно указывает на неодушевленный субъект, то, следовательно, и вообще приведенные оппозиции вращаются вокруг противопоставления не 'активное' — 'неактивное' начала, а 'живое, одушевленное' — 'неживое, неодушевленное'. Поэтому следует ограничить признак 'активно действующий' признаком 'живой, одушевленный'. Но не нужно ли ограничить также признак 'живой, одушевленный' (т. е. субъект как 'нечто одушевленное'), чтобы оставить только признак 'человек'? Действительно, в литовских глаголах такого типа представлены действия, которые можно семантически охарактеризовать как 'обычные сельскохозяйственные и бытовые работы'. Следовательно, их субъектом является именно 'человек'. (Этот семантический факт служит одним из оснований для выдвинутого выше предположения о том, что существенную роль в оппозиции диатез в индоевропейском играла группа глаголов 'действия человека и человекоподобных'. Напрашивается, казалось бы, вывод о связи этой группы с исконным медиумом, но этому препятствует тот факт, что редуцированная ступень корня, свойственная индоевропейскому медиуму, в балтийском последовательно обобщена как раз в группе, противоположной названной — в глаголах 'разбиваться', 'лущиться', 'размокать', 'перемешиваться' и т. д. Однако уже на основании подобных наблюдений можно предвидеть, что последовательная семантическая классификация глагольной лексики индоевропейских языков, во всяком случае древних, по признакам диатез будет находиться в довольно однозначном соответствии с классификацией именной лексики, последовательно проведенной по признакам 'неактивное' — 'активное', 'неживое' — 'живое', 'не-человек' — 'человек', 'человек как тело' — 'человек как особая сущность'. Можно предвзительно сформулировать следующее общее положение: семантическая классификация имен существительных является следствием классификации глаголов по линии диатез благодаря тому, что глаголам определенной диатезы соответствуют определенные типы имен, могущих выступать субъектами этих диатез. Конкретизация этого положения будет дана в следующей статье.)

Возвращаясь к лексической семантике балто-славянских языков, мы должны, следовательно, предположить, что первоначальное расхождение двух глагольных систем — славянской и балтийской — началось в такой семантической группе глаголов, которая обозначала действия человека, но при этом была чревата распадением на две различные группы, в одной

¹⁰ Полные списки см.: Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975, с. 180.